

Научное сообщество: В ПОИСКАХ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ СВОБОДЫ

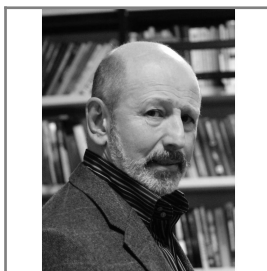
Касавин Илья Теодорович – доктор философских наук, профессор, член-корр. РАН, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: itkasavin@gmail.com

Столярова Ольга Евгеньевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: olgastoliarova@mail.ru

В данной статье проблематизируется состояние современного научного сообщества, которое флуктуирует между стремлением к автономии и творческой свободе, с одной стороны, и ответственностью перед социальными вызовами, с другой. В этом контексте реконструируется социальный смысл эпистемологического анархизма Пола Фейерабенда, обнаруживающий не только критическое, но и позитивное значение для современной науки. Отвечая на двусторонний вопрос: «Какое общество нужно науке и какая наука нужна обществу?», Фейерабенд ставит неутешительный диагноз как обществу, так и науке. Политическое стремление к идеологическому монизму и тоталитаризму получает поддержку со стороны науки, которая порой является одной из форм идеологии – воинствующим рационализмом, исключающим альтернативные точки зрения – и в свою очередь паразитирует на обществе. Разорвать этот круг можно лишь в режиме подлинной плюралистической демократии, которая приведет к изменению понимания науки и ее роли в обществе.

Способность к «остранению» (Б. Брехт), занятию позиции «другого», отказ от захвата интеллектуальной власти – вот ключевые характеристики свободного разума, как его понимал Фейерабенд. Если пытаться реконструировать социальную группу, которая обладает таким разумом, то в социальной проекции она включит в себя маргиналов, дилетантов, ученых, деятельность которых расходится с дисциплинарной парадигмой и нормами стандартного научного этоса. Прекарий – это такой субъект науки, который расшатывает монополию на истину и способствует изменению понимания науки. Ставится вопрос о продуктивности и эффективности научного прекариата в свете концепции науки в свободном обществе, а также о позиционировании данного феномена в контексте текущих дискуссий об экспертном знании, гражданской науке и псевдонауке.

Ключевые слова: наука, монополия на истину, свободное общество, прекариат, эпистемологический анархизм

SCIENTIFIC COMMUNITY: A QUEST FOR THE INTERNAL AND EXTERNAL LIBERTY

Ilya T. Kasavin –
Dsc in Philosophy, Professor,
Correspondent Member
of the Russian Academy
of Sciences, Chief Research
Fellow.
Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences.
12/1 Goncharnaya St.,
Moscow 109240,
Russian Federation;
e-mail: itkasavin@gmail.com

Olga E. Stoliarova –
Dsc in Philosophy,
Leading Research Fellow.
Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences.
12/1 Goncharnaya St.,
Moscow 109240,
Russian Federation;
e-mail: olgastoliarova@mail.ru

This article problematizes the state of the contemporary scientific community, which fluctuates between the desire for autonomy and creative freedom, on the one hand, and responsibility to social challenges, on the other. In this context, the social meaning of Paul Feyerabend's epistemological anarchism is reconstructed, revealing not only critical but also positive significance for contemporary science. Answering the two-sided question, "What kind of society does science need, and what kind of science does society need?", Feyerabend gives a disappointing diagnosis of both society and science. The political desire for ideological monism and totalitarianism is supported by science, which is sometimes a form of ideology – a militant rationalism that excludes alternative points of view – and in turn parasitizes society. This circle can only be broken in a regime of genuine pluralist democracy, which will lead to a change in the understanding of science and its role in society. The ability to "defamiliarize" (B. Brecht), to take the position of the "other", to refuse to gain intellectual power – these are the key characteristics of free reason, as Feyerabend understood it. If we try to reconstruct a social group that possesses such a mind, then in the social projection it will include marginal people, dilettantes, scientists whose activities diverge from the disciplinary paradigm and norms of the standard scientific ethos. A precarious is such a subject of science that breaks the monopoly on the truth and contributes to changing the understanding of science. The question is raised about the productivity and effectiveness of the scientific precariat in relation to the concept of science in a free society, as well as to the positioning of this phenomenon in the context of current discussions about expert knowledge, citizen science and pseudo-science.

Keywords: science, monopoly of truth, free society, precariat, epistemological anarchism

Свободная наука: рациональность или анархизм?

Наука – это социальный институт, который, вероятно, наиболее ярко демонстрирует амбивалентность в условиях социальной нестабильности. С одной стороны, за наукой закреплена роль разумного законодателя, обеспечивающего основания для рационального, следовательно, общезначимого выбора, т.е. ответственного за поддержание порядка и устойчивости. С другой стороны, наука – это территория свободы, высшая ценность которой – поиск нового знания, открытие и создание новых возможностей для теоретической и практической деятельности.

У истоков Новоевропейской науки, как известно, стояли практики экспериментирования, уходящие корнями в алхимию. Однако интервенции в природу имели свою цену. Томас Кун назвал новые экспериментальные науки «бэконскими» в противоположность абстрактным математическим наукам, которые удовлетворялись мысленным экспериментированием. Но именно Бэкон говорил не только о насильственном «испытании природы» в эксперименте; он высказался и о принципиальном ограничении научного вмешательства: мы можем властвовать над природой в той мере, в какой мы подчиняемся ее власти (законам). В этой идее заложен последующий научный рационализм, распространивший влияние на наше понимание не только природы, но и общества. Роль разума, воплощенного в науке как верховном законодателе, подчеркивали философы Просвещения. Данная роль обеспечивалась изоморфными и прозрачными отношениями между разумом и миропорядком. Систематическое применение разума, познание по правилам соответствует порядку природы, и потому оно есть единственное надежное средство установления контроля над природой и обществом.

Таким образом, ориентация на внешний порядок сопрягалась с внутренним порядком научного исследования. Научный метод, задающий познавательные стандарты, стал неотъемлемой частью институционального этоса, в рамках которого свободное творчество и коллективизм (обезличенность, ценностная нейтральность, универсализм) оказались странным образом неотделимы друг от друга. Если любитель реализует стихийный аспект творчества, то ученый-профессионал призван реализовать его регулярный и даже формальный аспект. Вербовка новых членов научного сообщества осуществляется через соответствующее образование, цель которого – закрепление стандартов и самовоспроизводство института науки. Методологическое и институциональное принуждение создает и поддерживает социальную автономию науки, на которой основывается ее авторитет: она является единственной легитимирующей инстанцией, способной нивелировать разногласия за счет устранения ценностных предпочтений.

Наведение порядка, однако, тоже имеет свою цену. Принуждение, какие бы формы оно ни принимало, реализует, говоря словами У. Бека, «негативную логику отторжения» («наука – конструктор табу» [Бек, 2000]). Запретительная функция науки как всеобщего жандарма, стоящего на страже рациональности, вступает в конфликт с «положительной логикой присвоения», т.е. развития как обогащения и расширения собственной территории за счет интегрирования нового опыта, включения разных позиций и т.п. Универсализм, на котором настаивает наука, открывается и с противоположной стороны: как аккумуляция различий, составление общего мира, в котором каждой традиции и каждому голосу найдется место.

В нашу эпоху социальных потрясений и стремительной ломки многих социальных механизмов, которые еще недавно считались вполне устойчивыми, растет спрос на новые формы социальной регуляции. Они призваны не упростить ситуацию и ликвидировать проблему, но расчленив ее на задачи применительно к разным контекстам, в которые она погружена. Объективная сложность ситуации нуждается в сложных способах ее разрешения, хотя это и кажется странным на первый взгляд. Здравый смысл подсказывает простое решение: когда на улице беспорядки, зовите полицию, которая изолирует нарушителей. Но общество постмодерна демонстрирует нам теснейшее переплетение взаимозависимых форм жизни. Беспорядок проявляет себя в чрезвычайно запутанных отношениях между социальными институтами, противоречивыми нормами и тенденциями, «независимыми» инстанциями, «автономными» практиками и т.п. Рассуждая о науке, приходится говорить об идеологии и политике, рассуждая о политике, невозможно не говорить об индустрии, виртуальной валюте, медицине («биг фарме»), образовании, ВПК, экологии и т.д. (У. Бек, Б. Латур). Не только социологи, но и философы науки, и ученые, со своей стороны, фиксируют эту неуклонно возрастающую сложность мира. Тривиальная задача «позвать полицейского» в нынешней ситуации становится совсем не простой. Какие опознавательные знаки должны быть выгравированы на его жетоне?

Одним из первых философов науки, категорически отказавшим последней в праве на «ношение жетона», был Пол Фейерабенд¹, и отнюдь не потому, что он делегировал это право кому-то другому. Его так называемый «антисциентизм» питался эпистемологическим плюрализмом, политическим либертарианством и крайним неприятием любых форм принуждения как препятствующих развитию человека и общества. Вступивший на философское поприще в кругах, близких школе критического рационализма Карла Поппера, Фейерабенд вскоре превратился в непримиримого критика Поппера и попперианцев, поскольку разглядел за призывом к «рациональной дискуссии» пропаганду гегемонии науки и подмену свободного волеизъявления воинствующим рационализмом.

¹ Фейерабенд Пол (Пауль) Карл (Feuerabend, Paul Karl, 13 января 1924, Вена – 11 февраля 1994, Женолье, Швейцария) – австро-американский философ, влиятельный представитель постпозитивизма, автор концепции «эпистемологического анархизма». Основное место работы – профессор философии в Калифорнийском университете в Беркли. Его взгляды созвучны французскому постмодернизму в критике «больших нарративов», идеологического и научного мейнстрима, экспертно-научного истеблишмента. Основные труды: *Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge* (1975); *Science in a Free Society* (1978); *Farewell to Reason* (1987). Труды Фейерабенда переведены на многие языки, включая русский.

Задача К. Поппера, переосмысливавшего программу Венского кружка, на деле же состояла в дальнейшем обосновании интеллектуальной свободы через демаркацию науки от метафизики. Закабаление культуры иррациональными настроениями после Первой мировой войны поставило людей в зависимость от человеконенавистнической пропаганды и в итоге от авторитарных режимов. По мысли Поппера, наука свободна лишь в «третьем мире», независимом от физических и социальных ограничений, и идеал рационального исследования ведет ученого именно туда.

«Пропаганда» в отношении разума и науки – это, для Фейерабенда, одно из зол, отвратительное жульничество, которое маркирует нечистоплотных интеллектуалов, прикрывающих лакуны своих рациональных конструкций фиговыми листками пафосных лозунгов («Поппер... был только пропагандистом», – сожалеет Фейерабенд [Фейерабенд, 2009, с. 170]). Из-за спины пропаганды выглядывают идеология и догма – унылые признаки закоряченной рациональности, дегенерирующей исследовательской программы (И. Лакатос), забывшей или старающейся забыть о своей изначальной связи с творческой энергией и разменявшей свободу на власть и порядок. Одновременно пропаганда может играть позитивную роль, по мнению Фейерабенда, создавая своего рода стартап для возникающей и прогрессирующей (опять-таки в терминах И. Лакатоса) исследовательской программы, когда еще не накоплена конкурентная эмпирическая база и не создана разработанная теория.

Антагонистом пропаганды, как ни парадоксально, тоже выступает рациональность. Серьезная претензия, которую Фейерабенд адресует воинствующим рационалистам, состоит в том, что их притязания на превосходство науки необоснованы: «Рационалисты и сциентисты не могут рационально (научно) обосновать уникальное положение их любимой идеологии» [Там же, с. 115]. Обвинения в отсутствии обоснования Фейерабенд предъявляет сциентистам не раз и не два. Будь Фейерабенд последовательным «иррационалистом» (хотя «последовательный иррационалист» – это, скорее, оксюморон), разве могло бы отсутствие обоснования в пользу какой-либо точки зрения свидетельствовать против нее? Попытаемся интерпретировать Фейерабенда следующим образом. Идеология и догма – это защитные стены, которые рациональность возвела против самой себя. Они не позволяют ей соизмерить себя с собственными принципами, делают ее глухой и слепой по отношению к собственной «изнанке», т.е. к историческим, политическим и социальным условиям ее возможности. Свободный разум некогда готов был покинуть обетованную землю несокрушимого знания и отправиться в рискованное путешествие в поисках альтернатив утвержденным авторитетам. Разум не стыдился признаваться в невежестве и испытывать на прочность «возможные миры». В этом заключалась критическая работа обосно-

вания, которое в науке выступает под именем не только теории, но и гипотезы: выйти за пределы общепризнанного, посмотреть на него со стороны, выдвинуть альтернативу. Но если сциентисты прибегнут к такому обоснованию, то им придется расстаться со своей уникальностью как властью верховного законодателя.

Фейерабенд, однако, разрывает этот порочный круг собственными усилиями. Он вписывает себя (ретроспективно) в набирающую силу традицию расширяющего универсализма, т.е. такой науки (и научной рациональности), которая, аккумулируя новый опыт, продолжает обучаться и изменяться. Фейерабенд тщательно коллекционирует факты и выстраивает аргументы против единого фиксированного научного метода в поддержку идеи методологического плюрализма и анархизма. Наука преуспевала (была эффективна, добивалась значимых результатов, осуществляла прорывы) тогда, когда ученые нарушали правила. Коперник извлек из музейных запасников истории мысли мистическую веру в фундаментальный характер кругового движения и обратил ее против «единственно возможной» картины мира Аристотеля – Птолемея. Галилей ничтоже сумняшеся прибегал к гипотезам *ad hoc*, если этого требовала логика момента. Он к тому же возвел сомнительное техническое устройство (телескоп) в ранг научного метода, невзирая на противоречия, которые это решение влекло за собой. Эйнштейн отталкивался не от эксперимента, а от предположения и предлагал возвысить его до принципа [Фейерабенд, 2007; 2009]. История науки предоставляет множество примеров того, что ученые отступали от методологических стандартов и общепризнанных норм. И более того – если бы стандарты и нормы последовательно соблюдались, научные открытия были бы невозможны.

Не стоит думать, что Фейерабенд защищает агрессивный волюнтаризм такого ученого, для которого все средства хороши, если они приводят его к победе над оппонентами. Его точка зрения далеко не так прямолинейна. Ряд современных исследователей сближает позицию Фейерабенда с эпистемическим волюнтаризмом [Kuby, 2021; Kusch, 2021], проблематика которого родственна эпистемологии добродетелей. Эпистемический волюнтаризм настаивает на том, что мнения (убеждения) выбираются в контексте ценностных предпочтений (традиций, в широком смысле). «Галилей победил благодаря своему стилю и блестящей технике убеждения... благодаря тому, что обращался к людям, пылко протестующим против старых идей и связанных с ними канонов обучения» [Фейерабенд, 2007, с. 33]. Иначе говоря, Галилей победил, потому что встретил и почувствовал свою аудиторию, потому что новые идеи «витали в воздухе» и общество (и научное сообщество) в определенной мере созрело до их принятия. Энтузиазм одиночки, нарушающего правила, встречается здесь с механизмами социального признания.

В чем же, мы спросим, отличие жульничества пропагандистов науки от незаконных апелляций к внешним факторам, риторических приемов, технических уловок и т.п., к которым прибегают ученые? Когда расшатывается одна традиция, на ее место заступает другая, но не мгновенно. Над созданием традиции нужно работать, завоевывая сторонников, а значит, в каком-то смысле, подстраиваясь под них и выдавая желаемое за действительное. Способность традиции изменяться, усваивая исторический и социальный опыт, демонстрирует сам Фейерабенд: его аргументация разворачивается в рамках исторического и дескриптивного анализа науки, т.е. науки как она в действительности (в отличие от сциентистских спекуляций) существовала и практиковалась. Фейерабенд – не враг науки, он протестует против ее философского (позитивистского) образа [Kidd, 2021]. Отвернувшись от противоречий истории науки, создатели и защитники этого образа отвернулись от самого разума, который свободно реализует себя только в пространстве рискованного предприятия, покидая твердую почву надежного знания.

Сциентисты (к которым Фейерабенд относил прежде всего современных ему философов науки) не только создают догматический образ науки, они также приветствуют догматизм в реальной научной практике как необходимый элемент эффективного научного исследования. Критика Фейерабенда, направленная на позитивистов и Поппера, затрагивает также и Куна, который защищал продуктивность догмы на стадии парадигмы. Фейерабенд оппонирует Куну на его же, Куна, площадке истории науки, выводя из исторических дескрипций иной нормативный образ науки как деятельности, свободной от предписаний, которая достигает успеха, лишь опрокидывая нормы и правила. С этой точки зрения, даже Кун, с которым впоследствии Фейерабенда часто сближали, оказывается одним из конструкторов сциентистского мифа науки, оторванного от реальной истории и практики научного поиска.

Прошел ли сам Фейерабенд до конца обозначенный им путь обучающейся рациональности, которая, усваивая исторический и социальный опыт, создает новые нормы и стандарты с тем, чтобы вновь подвергнуть их критическому исследованию? Не остался ли он как минимум отчасти в плену мифа науки в своих настойчивых попытках отделить историю науки от ее философского образа? История науки, рассказанная Фейерабендом, была призвана опрокинуть философские спекуляции о науке, столкнув их лицом к лицу с упрямыми фактами. Однако упрямые факты, как Фейерабенду, прошедшему постпозитивистские университеты, должно было быть хорошо известно, зависят от еще более упрямых интерпретаций. Поэтому миф о науке не так легко опровергнуть. Отстаивая исторически данную науку как территорию свободы, Фейерабенд воюет с современной наукой, смешивая в противоречии с собственными установками ее

нормативный (философский) образ и ее актуальные практики. Какую науку Фейерабенд предлагает отделить от государства – науку Карнапа, Поппера и Куна или науку Коперника, Галилея и Эйнштейна? Какая традиция науки (а наука – это, по Фейерабенду, одна из традиций) навязывает обществу свою власть? Та, в которой исторически закрепилась методологическая и институциональная автономия, или та, которая вербует сторонников, как в свое время Галилей, прислушиваясь к их чаяниям, подстраиваясь под них? Какую науку следует поставить под общественный контроль – ценностно-нейтральную, производящую дистиллированный продукт, очищенный от всего социального, или науку, вовлеченную в общественные отношения, «слишком человеческую», разделяющую с обществом и его пороки, и его добродетели?² Ответы на эти вопросы во многом определяются целевой группой – теми воображаемыми сторонниками, к которым обращается и чьи интересы представляет Фейерабенд. Он об этом не говорит напрямую и заставляет нас искать ответ.

Король в поисках свиты: возможно ли «общество анархистов»?

В эпоху социальных трансформаций фигура ученого как верховного законодателя, посредника между Природой и людьми, символический персонаж, с которым Фейерабенд продолжает вести борьбу, теряет авторитет. Наука сегодня сама нуждается в посреднике, способном обеспечить ее обратной связью с результатами ее деятельности, которые выходят из-под контроля и преобразуются в острейшие социальные противоречия и конфликты. Фейерабенд ответил на этот вызов артикуляцией решительного сдвига философии науки – высокоспециализированной философской дисциплины – за пределы традиционных проблем структуры и развития науки. Он детально показал, насколько постановка и обсуждение внутренних проблем инспирированы внешними контекстами и оказываются для них в высшей степени релевантными, хотя для большинства ученых в то время это было неочевидно. Сегодня же мировая университетская

² В ряде текущих дискуссий о роли экспертного знания эта контроверза усиливается. Спор идет о том, должны ли ученые делегировать оценочные суждения не-экспертам или они сами должны оценивать важные для общества последствия своих действий [Brown, 2021]. В первом случае постулируется, что наука ценностно нейтральна, и тогда именно не-экспертам следует судить о ней; во втором – что она ценностно нагружена, но тогда сами ученые отвечают за общественно значимые последствия своих внутринаучных решений. Иными словами, если наука автономна, то она не авторитетна, и, наоборот, если она авторитетна, то она неавтономна.

наука, не в последнюю очередь и в США, испытывает множественные шоки. С. Тернер перечисляет наиболее драматические из них: «Шоки включают в себя “недобор зачисления”, ожидаемое снижение числа студентов по давно известным демографическим причинам; неожиданно быстрое сокращение числа учащихся по гуманитарным наукам, особенно по истории; признание того, что молодежь изменила свои предпочтения и не хочет поступать в колледжи; одновременный и связанный с этим поворот против идей свободы и воука³; быстро растущий скептицизм в отношении медицинского исследовательского истеблишмента в результате признанной неспособности вакцин против Covid предотвратить болезнь, и разоблачение ложных нарративов о его происхождении, которые официально продвигались; здесь же и молчание академии, зависящей от грантов, и запугивание тех, кто высказывался; резкая инфляция цен и спектакль видных ученых-экономистов, минимизирующих то, что было частью повседневного опыта людей; продолжающиеся кризисы управления в университетах, когда президенты уходят в отставку, а в дело вмешиваются политики и спонсоры» [Turner, 2024, p. 115].

Фейерабенд вошел в круг тех интеллектуалов, которые требовали внешней открытости философии и гуманитарной науки вообще и демонстрировали возможности такой восприимчивости и обращенности вовне. Отныне статус «кабинетной философии» (*armchair philosophy* – англ.) основательно пошатнулся, пусть и не для того, чтобы окончательно рухнуть, но хотя бы поискать для себя более устойчивое основание. Это сказалось не только на взаимоотношении философии и других социально-гуманитарных наук (экономики, политической мысли, религио- и востоковедения, теории искусства). Изменилась и структура самого философского дискурса: философия науки проложила тропинки к философии сознания, философской антропологии, социальной философии и философии культуры.

Фейерабенд критикует философию науки за упрощенный, стерильный, идеализированный образ науки, пресловутую башню из слоновой кости, игру в бисер (Г. Гессе). Настоящая наука значительно сложнее, в ней смешаны разные тактики и практики: «Даже наиболее рафинированный рационалист будет вынужден отказаться от рассуждений и использовать пропаганду и принуждение и не вследствие того, что его доводы потеряли значение, а просто потому, что исчезли психологические условия, которые делали их эффективными и способными оказывать влияние на других» [Фейерабенд, 2007, с. 44].

³ Воук (от англ. woke, прошедшее время от глагола «проснуться») – неологизм, терминологическая калька политического жаргона, происходящая от афроамериканского английского, обозначающая усиленное внимание к вопросам, касающимся социальной, расовой и половой справедливости.

Для Фейерабенда особенно важно, что наука (культура вообще) являет свою подлинность не благодаря, а вопреки ограничениям научной методологии. Самая свободная свобода – это свобода в культуре, и символ ее для Фейерабенда – дадаизм, известное авангардистское течение в искусстве. Данная установка позволяет заявить: «Специалисты и неспециалисты, профессионалы и любители, поборники истины и лжецы – все участвуют в этом соревновании и вносят свой вклад в обогащение нашей культуры» [Фейерабэнд, 2007, с. 50].

В более позднем издании «Против метода», пришедшемся на мировой кризис 1992 г., Фейерабэнд уточнил свою позицию в отношении научной рациональности: «Разуму нужно придать больше веса не потому, что он всегда играл фундаментальную роль, но потому что это представляется нужным для формулировки более гуманистического подхода в обстоятельствах, которые частенько имеют место сегодня (хотя и могут исчезнуть завтра)» [Feeyerabend, 1993, p. 13ft.]. То, что и ранее можно было обнаружить при внимательном чтении, в свете данной цитаты особенно ясно. Фейерабэнд направляет острие критики не на саму науку в точном смысле, которая значительно богаче любых ее «рациональных реконструкций». Он, скорее, ведет нескончаемый спор с авторами этих реконструкций, в конечном счете служащих обоснованию теоретической и социальной легитимности научного реализма и критического рационализма – столпов консервативного интеллектуального истеблишмента. Фейерабэнду последний был хорошо знаком изнутри, и он в самом начале своей карьеры отказался от следования его правилам, отклонив предложение стать ассистентом своего учителя, Карла Поппера.

При этом последовательность и самостоятельность Фейерабенда простиралась еще дальше. В послевоенной культурной жизни особую роль играл театр. Это была область смелых экспериментов, которые разрушали каноны драматических жанров. Театр захватил миграционный архетип, и драматурги отправились в рискованное путешествие для открытия новых культурных пространств. Их вело влияние экзистенциалистских концепций и одновременный рост недоверия к унитарной идеологии, что побуждало к поискам синтеза эпоса, лирики и драмы. Трагикомедия, интеллектуальная притча и театр абсурда стали символами этой эпохи. Фейерабэнд в это время изучал театр и был увлечен его критическим и рефлексивным пафосом. Много позже из-под его пера вышла статья с характерным названием «Театр как инструмент критики идеологий» [Feeyerabend, 1967]. Однако он не принял предложение Бертольда Брехта стать его ассистентом, предпочтя необеспеченную свободу.

Умение набрать дистанцию от объекта и себя самого, практиковать остранение, взгляд на себя со стороны и быть готовым расстаться с монополией на истину и власть – это и есть параметры интеллектуальной свободы, по Фейерабэнду. Вероятно, он подписался бы

под известным лозунгом «Философия – дело свободного человека». Фейерабенд трактовал этот тезис индивидуалистически и был чужд школ и идейных группировок. Эпистемологический анархизм, как он полемически назвал свою концепцию, отвергает всякое коллективное мышление, принимая лишь одно правило: «все дозволено». В этом смысле у такой концепции в принципе не может быть последователей, и если они появятся, то они будут ее лишь апологетически искажать.

И потому вопрос о социальной группе, которая могла бы быть восприимчива к идеям Фейерабенда, не слишком легитимен с его собственной точки зрения. Но если следовать духу его идей, то единственный выход – выйти за их пределы и попытаться все-таки реконструировать социальную группу, которая обладает таким «свободным разумом». Мы полагаем, что в социальной проекции она выражается в деятельности своеобразных ученых, «имеющих не вполне обычную биографию» [Фейерабенд 2009, с. 148]. Не связанные коллективной идеологией, странные с точки зрения институциональных и методологических норм личности оказываются в состоянии выдвигать абсурдные идеи и видеть мир в новом свете. Обращенные к сообществу ученых как своей референтной группе, они одновременно представляют его социального оппонента – индивидов и коллективы, которые не выдерживают «напора модернизации» и сопротивляются принуждению к порядку, поскольку больше не считают этот порядок значимым.

Нами выдвигается гипотеза о продуктивности и эффективности научного прекариата в свете концепции науки в свободном обществе. О прекариате как особой социальной группе написано достаточно много; иное дело – тема научного прекариата [Mauri, 2019; Vatansever, 2020]. В лучшем случае этот феномен привлекает общественное внимание в связи с недофинансированием науки и социальной незащищенностью многих ученых [Precarity Paper, 2021]. Однако внимание к научному прекариату позволяет по-новому посмотреть на известные дискуссии об экспертном знании, гражданской науке и тех институциональных изменениях, которые происходят в современной науке.

Вопрос о природе научного прекариата вовлекает в сферу философии науки целый спектр актуальных контроверз политической экономики науки, этики и политики науки. Речь идет о таких феноменах, как несправедливость, принуждение, зависимость применительно к познанию и к социальному бытию науки. Так, сегодня в рамках феминистской эпистемологии женщины-ученые фактически объявляются своего рода прекариями, условия работы которых заведомо хуже, чем у мужчин. Хелен Лонжино в своем докладе на Международном конгрессе по логике, методологии и философии науки в Праге, 2019, привела цифры вовлеченности женщин в науку, хотя и отказалась их проинтерпретировать. По ее данным, в США

и Бельгии всего 30% ученых женского пола, а в Иране и Азербайджане – 70%. Ситуация, казалось бы, парадоксальная: в демократических странах процветает дискриминация женщин в науке, а в авторитарных – наоборот. Но как только мы посмотрим на престиж науки как профессии в этих странах, все становится на свои места. В развитых демократических странах наука – исключительно престижное дело, и 30% женщин в науке является большим достижением борьбы женщин за свои права. В исламских странах, напротив, наука не является престижной мужской профессией, и ее легко отдают на откуп женщинам, имеющим заведомо более низкий социальный статус, чем мужчины.

Еще один пример представляет академическая контроверза «свобода – зависимость»; речь идет о дискуссиях вокруг постоянного университетского контракта (*tenure*). Наука – существенная часть рыночной экономики – так гласит кредо идеологии неолиберализма. Последний преобладает в развитых странах, где наука развивается особенно эффективно и быстро. Это дает основания заключить, что основными критериями оценки научных исследований должны выступать свойства прибыльного предприятия – эффективность и инновативность. И потому именно они оказываются ключевыми при составлении и заключении постоянного трудового договора с исследователем. Постоянный контракт, который предполагает включение в штат университета или лаборатории (*faculty member*), – наиболее востребованная среди ученых форма трудоустройства, но именно он последние десятилетия попадает под удар, в частности в США и Великобритании.

Дискуссия, противопоставляющая идеал гумбольдтовского университета стандартам предпринимательского университета, часто имеет своим предметом вопрос о сохранении постоянного контракта в науке и образовании. Аргументы в пользу *tenure* гласят, что он «остается лучшей защитой свободы исследования и разнообразия мнения (*heterodoxy*) для университетских преподавателей, в особенности в эти времена повышенной поляризации и интернет-взрыва. Давайте ремонтировать это, а не ломать» [Skoble, 2019, p. 210]. Аргументы против *tenure* состоят в том, что необходимо мотивировать заинтересованность в эффективной, интенсивной работе в команде на фоне наблюдаемого снижения уровня образования и исследования, а постоянный контракт как раз и ограждает профессора от таких требований.

Однако престиж западных университетов зиждется именно на высоком социально-научном статусе профессора, и современная Германия, где профессор является государственным чиновником (*der Beamte*) и находится до самой пенсии на бессрочном контракте, тому яркий пример. Характерное английское выражение *award of tenure* (удостоенный контракта) подчеркивает особый «наградной статус»

постоянного контракта. Это не просто принятый на работу (hired) сотрудник, а поднятый на самую вершину университетской иерархии. Неудивительно, что университетский преподаватель и ученый-исследователь являются наиболее престижными из всех профессий в США и Великобритании.

С постоянным контрактом связаны уникальные возможности для работы, а многолетняя подготовка к такой должности прививает будущему профессору ряд амбивалентных добродетелей и грехов. Эта смесь филистерского и аристократического этоса вполне соответствует известным девяти парам этоса, описанного Р. Мертоном [Merton, 1976, pp. 56–94], а с другой, инспирировала отказ от tenure со стороны научной администрации [Касавин, 2022]. Ученые без постоянного контракта и в то же время не склонные к конформизму вытесняются из научного сообщества в разряд маргиналов-прекариев. В монолитном сообществе исчезают моральные контрверзы – подлинный источник научного этоса. Этическая рефлексия, критика и выбор нуждаются в многообразии моральных и аморальных примеров. Фейерабенд подчеркивает ценность моральной девиации, морального порока, без которых поведение в рамках всякого, в том числе и научного, этоса вырождается в банальный конформизм.

Феномен научного прекариата претендует на роль искомого Фейерабендом оппонента по отношению к научным экспертам, монополизировавшим знание. Нынешний рост удельного веса прекариата – это симптом глубоких сдвигов в социальной структуре, которые вносят изменения в трудовые отношения и трансформируют механизмы социального признания. Эта прослойка занимает двойственную позицию. С одной стороны, прекарий – жертва модернизации, вышедшей за пределы классического индустриального общества и оставившей в прошлом его социальные гарантии. С другой стороны, прекарий – ее бенефициар, в значительной степени свободный от институциональных обязательств, а значит, от правящей идеологии.

Прекариат охватывает сегодня до половины трудоспособного населения и имеет тенденцию к росту. Научный прекариат – это периферия научного сообщества: исследователи и практики, не имеющие постоянной занятости в государственных или бизнес-структурах. Это независимые исследователи, фрилансеры или самозанятые, работающие по срочным договорам в крупных проектах. Порой исследовательская деятельность практикуется ими вообще бесплатно в качестве хобби. В последнем случае речь идет о дисциплинах, не требующих дорогого лабораторного оборудования и потому не так зависимых от базового финансирования научно-образовательных центров. Наиболее яркие примеры успешности научно-технического прекариата демонстрируют основатели компаний-суперзвезд в области IT – Microsoft, Google, Telegram, интеллектуальный капитал которых растет в разы быстрее, чем в Exxon Mobil или Shell [Stehr, 2023].

Итоги

Пример прекариата позволяет дать социологическую интерпретацию «анархистской эпистемологии» Фейерабенда, которая оказывается, тем самым, не просто курьезом и провокацией, а прогнозом по поводу современной и вполне реальной «распределенной», «постнормальной» науки. Благодаря прекарию изменяется образ науки и ученого. Исследовательский труд становится в большей степени призванием, освобождаясь от внешнего принуждения и статуса «услуги». Эта свобода от научной бюрократии, от парадигмальной теории, от академических статусов и приличий несет с собой очевидные риски материальной небеспеченности и научного непризнания, и потому значительная часть прекариев представляет собой просто пострадавших от неолиберальной научной политики. Однако некоторые члены этой группы имеют шанс сравняться с истеблишментом в достижениях, известности и гонорах. Талант, пропаганда и удача выносят их на самый верх социальной пирамиды. Тогда девиация, публичность, а порой и скандальность начинают рассматриваться как важные элементы эффективной науки, выходящей из тиши кабинета и библиотеки в социальное пространство, чтобы провоцировать технологические, экономические и мировоззренческие сдвиги. И сама наука как передовой социальный институт указывает обществу путь к творчеству и свободе.

Литература

Бек 2000 – Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Фёдоровой; посл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

Касавин 2022 – Касавин И.Т. Автономия плюс гетеродоксия: как возможны девиации в науке // Человек. 2022. Т. 33. № 5. С. 27–44.

Фейерабенд 2007 – Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / Пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ, 2007. 413, [3] с.

Фейерабенд 2009 – Фейерабенд П. Наука в свободном обществе / Пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ, 2009. 378, [6] с.

References

Beck, 2000 – Beck, U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity]. Trans. from German by V. Sedelnik, N. Fyodorova. Moscow: Progress-Traditsya, 2000, 384 pp. (In Russian)

Brown, 2021 – Brown, M. “Against Expertise: A Lesson from Feyerabend’s Science in a Free Society?”, in: Bschir, K. and Shaw, J. (eds.), *Interpreting Feyerabend: Critical Essays*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021, pp. 191–212.

Feyerabend, 1967 – Feyerabend, P.K. “The Theatre as an Instrument of the Criticism of Ideologies”, *Inquiry*, 1967, vol. 10 (1–4), pp. 298–312.

Feyerabend, 2007 – Feyerabend, P. *Protiv metoda. Ocherk anarhistskoj teorii poznaniya* [Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge]. Trans. from English by A.L. Nikiforov. Moscow: AST, 2007, 413 [3] pp. (In Russian)

Feyerabend, 2009 – Feyerabend, P. *Nauka v svobodnom obshchestve* [Science in a Free Society]. Trans. from English by A.L. Nikiforov. Moscow: AST, 2009, 378 [6] pp. (In Russian)

Feyerabend, 1993 – Feyerabend, P.K. *Against Method: An Outline of Anarchistic Theory of Knowledge*. London: Verso, 1993, 279 pp.

Kasavin, 2022 – Kasavin, I.T. “Avtonomiya plyus geterodoksiya: kak vozmozhny deviacii v nauke [Autonomy Plus Heterodoxy: On the Possibility of Deviations in Science]”, *Chelovek* [Human Being], 2022, vol. 33, no. 5, pp. 27–44. (In Russian)

Kidd, 2021 – Kidd, I.J. “Feyerabend, Science and Scientism”, in: Bschir, K. and Shaw, J. (eds.), *Interpreting Feyerabend: Critical Essays*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021, pp. 172–190.

Kuby, 2021 – Kuby, D. “Decision-Based Epistemology: Sketching a Systematic Framework of Feyerabend’s Metaphilosophy”, *Synthese*, 2021, vol. 199, pp. 3271–3299.

Kusch, 2021 – Kusch, M. “Epistemological Anarchism Meets Epistemic Voluntarism: Feyerabend’s Against Method and van Fraassen’s The Empirical Stance”, in: Bschir, K. and Shaw, J. (eds.), *Interpreting Feyerabend: Critical Essays*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021, pp. 89–113.

Mauri, 2019 – Mauri, C. “Formulating the Academic Precariat”, in: Cannizzo, F. and Osbaldiston, N. (eds.), *The Social Structures of Global Academia*. London: Routledge, 2019, pp. 185–204.

Merton, 1976 – Merton, R.K. “The Ambivalence of Scientists”, in: Merton, R.K. (ed.), *Sociological Ambivalence and Other Essays*. New York: The Free Press, 1976, pp. 56–94.

Precurity Paper, 2021 – *Precurity Paper 2021*. [<https://initiative-se.eu/2021/02/05/precurity-paper-2021/>, accessed on: 28.04.2024].

Skoble, 2019 – Skoble, A.J. “Tenure: The Good Outweighs the Bad – A Sur-response to James E. Bruce”, *Journal of Markets & Morality*, 2019, no. 22 (1), pp. 207–210.

Stehr, 2023 – Stehr, N. *Understanding Society and Knowledge*. Northampton, Mass.: Elgaronline, 2023, 410 pp.

Turner, 2024 – Turner, S. “Max Weber and the Two Universities”, *Max Weber Studies*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 114–128.

Vatansver, 2020 – Vatansver, A. *At the Margins of Academia: Exile, Precariousness, and Subjectivity*. Leiden: Brill, 2020, 204 pp.